

Дуань Минчэнь наклонился, внимательно осматривая тело Лао Лю. Труп ещё хранил тепло — смерть наступила недавно. Смертельная рана на горле — удар, пронзивший глотку, был нанесён быстро и точно.

Гу Хуайцин присел рядом:

— Рана плоская и узкая. Похоже, оружием был длинный меч.

Дуань Минчэнь кивнул, глядя на него:

— Хуайцин, давай поговорим. Хорошо?

Дело было важным. Гу Хуайцин отбросил дурные мысли и согласился:

— Хорошо.

Лагерь стоял у подножия невысокого холма. Там, среди людей, говорить откровенно было невозможно, и они поднялись на вершину.

На небе висел серп луны. Вдали мерцало море, лунная дорожка колыхалась на волнах — пейзаж выдавался прекрасный.

Но ни тому, ни другому было не до красот природы.

Дуань Минчэнь смотрел на Гу Хуайцина. Тот стоял, опустив голову. В бледном лунном свете его безупречный профиль казался почти неземным. Длинные ресницы вздрагивали, словно крылья ночной бабочки, — так и хотелось прикоснуться, поймать.

Сердце Дуань Минчэня смягчилось:

— Хуайцин, в тот день я был неправ. Я ошибся, прости меня.

— Хм... — Гу Хуайцин усмехнулся. — В чём именно, по-твоему, ты ошибся, брат Дуань?

С того дня Дуань Минчэнь не знал покоя — особенно после того, как узнал, что Ло Циня, раненого вражеским метательным ножом, спас именно Гу Хуайцин. А он в тот момент заподозрил его в чём-то дурном.

— Я судил о тебе по себе. Но тогда... я просто запаниковал. Подумал, что... Эх. Я не хотел тебя подозревать, я...

Дуань Минчэнь, обычно ясный и логичный, теперь путался и запинаясь. Чем больше старался объяснить, тем бестолковее выходило. Лицо его покраснело.

— Значит, в глубине души ты всё же считаешь меня жестоким и мстительным негодяем? — Гу Хуайцин усмехнулся — горько, почти издевательски. Холодная усталость просочилась из самых костей. Он опустил глаза. Вдруг всё стало бессмысленным.

— Нет! Вовсе нет! Как раз наоборот. Ты, не тая зла, спас Ло Циня, вызвал ему врача, проявил великодушие. Я... я преклоняюсь перед твоим характером. Мне стыдно до земли провалиться.

— Великодушие? — Гу Хуайцин коротко рассмеялся. — Ошибаешься. Я не святой. Просто обожаю идти наперекор. Ло Цинь меня презирает? Что ж, я заставлю его быть мне обязанным жизнью. Интересно, посмеет ли он теперь задирать нос передо мной?

Дуань Минчэнь рассмеялся. Резкие слова не оттолкнули его. Напротив, он низко, почти до земли, поклонился:

— Как бы то ни было, я был неправ. Глупый старший брат принёс младшему свои извинения. Обещаю — больше такого не повторится. Прости меня в этот раз.

Дуань Минчэнь, всегда сдержанный и суровый, никогда не выглядел таким смиренным. Гу Хуайцин, наконец, ощутил, как камень с души свалился. Он слегка запрокинул подбородок и сказал с напускным высокомерием:

— А если я не прощу?

Дуань Минчэнь, видя, что его настроение смягчилось, обрадовался:

— Я знаю, у Хуайцина широкая душа. Даже Ло Цинь, который столько раз тебя задевал, тебе простился. Как же ты станешь таить зло на старшего брата?

В шутливых словах сквозила искренность. Гу Хуайцин задумчиво скосил на него глаза. Он был красив, молод, занимал высокий пост и пользовался доверием императора. Сколько людей завидовало ему, сколько злословило за спиной! Ло Цинь, обзывавший его «бабой», был ещё безобиден — бывало и похуже. Но почему же тогда малейшая тень сомнения со стороны Дуань Минчэня ранила так глубоко? Почему он несколько дней ходил, будто в воду опущенный?

Наверное, просто ненавидит, когда его несправедливо обвиняют. Редко сделаешь доброе дело — и тут же попадаешь под подозрение. Обидно.

Гу Хуайцин нашёл для себя правдоподобное объяснение, но сдаваться так просто не хотелось:

— Но просто так я тебя не прощу.

Дуань Минчэнь серьёзно кивнул:

— Конечно, не просто так. Глупый брат должен проявить искренность.

Он достал из-за пазухи небольшой свёрток и протянул Гу Хуайцину. Тот развернул — внутри лежали перчатки. Чёрные, глянцевитые, тонкие, словно крылья стрекозы.

— Перчатки из кожи цзяо! — глаза Гу Хуайцина вспыхнули.

Дуань Минчэнь улыбнулся:

— Они не боятся ядов, воды и огня, невероятно прочны. Идеальная пара к твоему шёлку небесного шелкопряда.

Надо признать, подарок угодил прямо в сердце. Шёлк небесного шелкопряда в сочетании с такими перчатками — сила удвоится. Гу Хуайцин тут же примерил их. Сидели как влитые. Не церемонясь, он сунул их за пояс:

— Спасибо, что помнишь. Беру.

Дуань Минчэнь впервые за два дня увидел его улыбку. Она была словно солнце, разгоняющее тучи. Он вдруг подумал: чтобы видеть эту улыбку чаще, он готов на всё. Даже древний правитель, что сжёг сигнальные огни ради смеха наложницы, теперь казался ему понятным.

Он взял Гу Хуайцина за запястье. Кожа была фарфорово-белой, и на ней отчётливо виднелись два тёмно-багровых отпечатка пальцев. Дуань Минчэнь сжалился, мягко погладил их:

— Ещё болит?

— Болит! Ужасно болит! — Гу Хуайцин нарочно скривился, хотя боль давно утихла. Просто его кожа была такой белой, что любой синяк выглядел чудовищно.

Дуань Минчэнь раскусил его и усмехнулся:

— Что же делать? Может, побьёшь меня в отместку?

— Пока оставлю. Как-нибудь, когда настроение будет плохим, отщёлкаю тебя всего.

— Давай, щёлкай сколько влезет. — Дуань Минчэнь был уверен в своей выносливости. Щипки ему были нипочём.

Побретавшись, он вспомнил, как Гу Хуайцин спасал Сяньэ Сюнфэя, и спросил:

— Хуайцин, все говорят, от мышьяка нет противоядия. Как ты узнал способ лечения?

Гу Хуайцин опустил глаза, поправил рукав. Взгляд его стал отрешённым, печальным.

Дуань Минчэнь поспешил добавить:

— Если не хочешь говорить — ничего. Я просто спросил.

— Нет, чего уж там скрывать. — Гу Хуайцин говорил тихо, будто издалека. — Ты знаешь, я из семьи опального чиновника. Когда дед совершил преступление, император велел казнить весь род. Я, будучи малолетним, чудом избежал смерти, но был отдан в дворцовые слуги. Моя мать не была законной женой отца, всего лишь наложницей. Она умерла ещё до того, как семья попала в немилость. От мышьяка. Мне было шесть лет. Помню, она выпила чашку супа, вдруг лицо почернело, изо рта, носа, ушей хлынула кровь. Она упала, билась в судорогах и через несколько вдохов умерла. Я кричал, потом тяжело заболел. Этот кошмар долго меня преследовал...

— Позже, когда вырос, узнал, что её отравили мышьяком. И поклялся найти способ лечения. В дворце я познакомился с Шиши — прямым учеником главного лекаря Императорской медицинской академии. Он изучал яды и дал мне этот рецепт. Но испытать его до сих пор не доводилось. Сегодня, в отчаянии, решил попробовать. Повезло — тот выпил мало, и получилось. Думаю, стоит передать рецепт Шиши, чтобы внесли в медицинские книги. Пусть другим жизнь спасает.

Хотя время не повернуть вспять и мать не вернуть, мысль о том, что этот метод поможет многим, вызвала на лице Гу Хуайцина искреннюю, тёплую улыбку.

Дуань Минчэнь впервые слышал, как тот говорит о своём прошлом. Гу Хуайцин рассказывал ровно, бесстрастно, будто о чужой судьбе. И от этого спокойствия сердце Дуань Минчэня сжалось от жалости.

Он спросил мягко, почти шёпотом:

— Сколько тебе было лет, когда попал во дворец? Должно быть, пришлось несладко?

<http://bllate.org/book/16283/1466944>